

ГОРОД

В Нижнем Новгороде Алексей Максимович Горький прожил свыше четверти века... Память о прожитом здесь и теперь бережно хранят десятки «горьковских мест» и три специальных музея, в которых побывали миллионы людей из разных стран мира. Отзвуки на множестве языков говорят о неизгладимой и волнующей силе музейных впечатлений.

НАЧАЛО ЖИЗНИ

Приземистый, одноэтажный, о пяти маленьких с распахнутыми ставнями окнах домик стоит в окружении сотен домов, будто специально выросших здесь, на вершине Успенского и Суетинского съездов, чтобы заслонить, защитить его от дующих с Оки и Волги резких ветров.

Построенный еще в конце позапрошлого века, он очень стар, и сохранять его нелегко.

«Дом цехового Василия Васильева Каширина».

Входим в калитку. К красным бумам воротам привалился тяжелый дубовый крест... Более сотни лет назад таким крестом задавило веселого Цыганка... В десятке шагов от ворот, замыкая маленький дворик, деревянное строение — красильня. Распахнутая дверь обнажает большую печь, в которую вделано три котла. Когда-то в них кипела, булькала краска, и было здесь всегда жарко. Левее красильни — каретник с донником, где стоял бабушкин любимец Шарп.

Все, как было в августе 1871 года, когда, осыпавшись Астрахани, трехлетний Алеша Пешков вернулся с матерью и бабушкой в родной город.

Внутренний осмотр начинается с комнаты дяди Михаила. Стол с самоваром и зеленоватым штофом из-под водки... Комод... Зеркало... На стене семейная фотография Михаила Васильевича со второй женой Надеждой и детьми от нее и тоже подлинными изображениями богатых каширинских родственников — Порхуновых, Базановых, Сергеевых... Это они через семь лет «пожалуют» круглого сироту Алексея, и у них начнет он свою жизнь «в людях».

Из дядиной комнаты вход в кухню. Впрочем, почему кухня?

С большой русской печью и сплошными, но неглубокими полатями, где хранились постилавшиеся на пол постели, с обеденным столом в переднем углу, комната эта площадью метров в четырнадцать была и столовой, и швейной, и «экзекutorской», и клубом, где по праздникам собирались вместе, тешились тараканьими бегами, плясали и пели под Яковову гитару песни, и спальней...

Здесь проходила, по сути дела, вся жизнь многолюдной семьи, дышавшая «горячим туманом взаимной вражды всех со всеми».

...В лохани, у русской печи, под подвесным о двух носиках медном рукомыльнике, мокнул ивовый прутья... Напротив, вплотную к бревенчатой стене, прижалась выщербленная деревянная скамья — по субботам она выдвигалась на середину кухни, и перед тем, как идти ко всенощной, Василий Васильевич порол на ней нагревшихся за неделю внуков.

Из гостиного угла кухни двустворчатая дверь ведет в комнату Василия Васильевича Каширина.

Оклеенные веселыми обоями стены... Аккуратные дерюжки половички... Кружевные занавески на окнах... Светло. Чисто. Просторно. До отказа набитая затейливой чайной посудой и серебром горка указывает на домашний достаток и благополучие.

В мерцающем лампадном свете золотятся окладами иконописные лики... Под богатым иконостасом — деревянная шкапулка-укладка, куда недоверчивый дед заперал деньги, ценности. На ночь клал ее под голову, потому что крышка укладки с наклоном-подголовником.

Висит на стене кафтан с позументами, пожалованный Каширину как старшине нижегородского красильного цеха, должность, на которую он избирался несколько раз. Был он даже гласным городской думы. Своими успехами дед гордился:

— Нищей матери сын, а теперь — начальник людям!

В левом углу комнаты — овалный письменный стол, удобное черное кресло, венский с подлокотниками диван. Святой святых каширинского дома! Здесь велись переговоры с богатыми заказчиками, принимались гости.

На столе — гусиное перо, песочница, раскрытый «Христианский памятник» издания 1841 года, справочник на все случаи жизни.

Стремясь во всем к твердому порядку, Василий Васильевич любил полезные наставления и старался им следовать.

Из комнаты деду попадем в маленькую, тесную спальню Акулины Ивановны. Едва ли не всю ее занимают печь и накрытая пестрым лоскутным одеялом деревянная кровать с двумя горками подушек.

Тут, на этой широкой жаркой постели, в маленькой комнате с одним окном и неугасимой лампадой в красном углу перед иконой со множеством икон, отлеживался, приходя в себя после жестокой дедовой порки, маленький Алеша.

Любимая комната детства... Именно в ее стенах ощущал в себе будущий писатель «беспокойное внимание к людям», чуткость «ко всякой обиде и боли, своей и чужой».

...Когда первого января 1938 года «Домик Каширина» открыл свои двери для посетителей, одной из первых вошла в него Анна Кирилловна Заломова, та самая — прототип горьковской Нилоны. Будучи ближайшей подругой Варвары Кашириной, она в свои молодые годы в этом доме не раз бывала. Глаза ее заслезались, губы дрогнули:

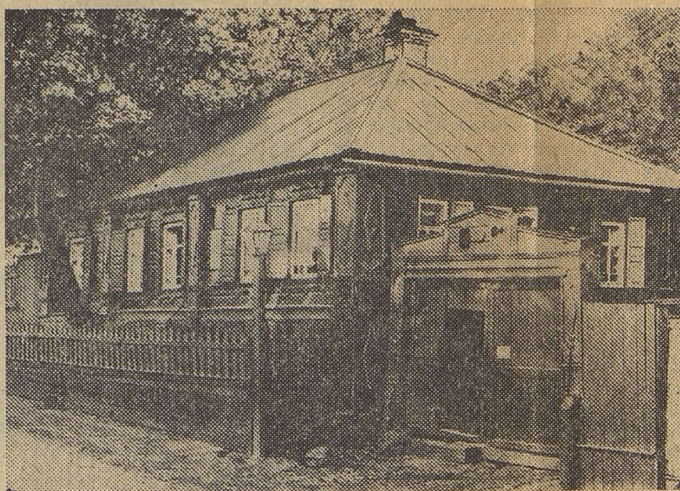
— Каширины-то словно только это выпили...

ПОСЛЕДНЯЯ КВАРТИРА

Квартиру в этом доме, принадлежавшем Киришауму, Горький снял вскоре после возвращения из арзамасской ссылки и жил в ней вплоть до окончательного переезда в Москву. Более двух лет, завершающих нижегородский период биографии писателя, связаны именно с этим домом.

Наполовину каменный, в два этажа с мезонином, он стоит на ведущей к знаменитому Волжскому откосу улице Семашко, бывшей Мартыновской.

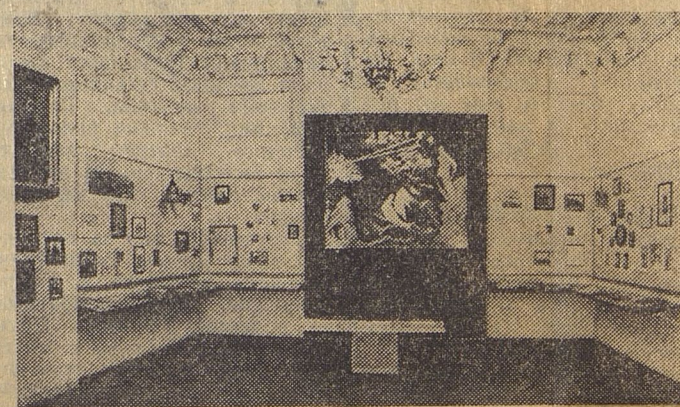
Музей создавался долго, кропотливо, при личном и самом деятельном участии Екатерины Павловны Пешковой, отлично во всех деталях и подробностях помнившей эту квартиру и передавшей для ее восстановления множество подлинных сохранившихся

ВЕЛИКОГО

ПИСАТЕЛЯ

у нее предметов — мебель, вещи, портреты, книги.

Ступени широкой деревянной с гладкими перилами лестницы ведут вверх к обитой коричневой клеенкой двери. На ней медная дощечка: «А. М. Пешков».

Просторная прихожая. Слева деревянная вешалка с несколькими пальто. В двух шагах от нее, на стене, массивный телефонный аппарат «Эриксон».

Напротив него — дверь в комнату гостей. У Пешковых останавливались Леонид Андреев, Леопольд Сулержицкий, Скиталец... А вот в этой комнатке неделями жил Федор Иванович Шалапин, и называлась она «шалапинская».

Зеркальный шкаф... Кровать... Стол... Этажерка... Переданные дочерью Ириной Федоровной подлинными вещи Шалапина — ноты, часы, несессер, рыболовные принадлежности...

Мемориальные свидетели дружбы двух величайших самородков...

Рядом с «шалапинской» — рабочая комната Екатерины Павловны. В простенке между двумя окнами — небольшой письменный стол. Над ним фотографии Максима и Кати и большой фотопортрет Алексея Максимовича. У окна на журнальном столике его же скульптурный портрет работы И. Я. Гинцбурга с дарственной надписью автора. У финиковой пальмы — плетеное кресло-качалка. Старенная, зачехленная суровым плотным кушетка... Два шкафа с книгами. Все удивительно просто, скромно, ничего лишнего...

Столовая — самая большая в квартире комната. В ней окруженный венскими стульями, накрытый к чаю обеденный стол. Расчет на четырнадцать персон. Иной раз набиралось людей и больше. Кажется, что самовар только что подан и, как сигнал к чаепитию, малиново бьют часы. Так били они и три четверти века назад.

С потолка свисает медная под матово-белым стеклян-

ным абажуром лампа-молния. Она помнит певшего в этой комнате Шалапина, помнит десятки людей, коротавших вечера в беседах за этим столом.

В этом доме все живы, здоровы.

Даже те, кого уже нет... И всякая лампа в столовой льет по-прежнему теплый свет...

Это строки одного из горьковских воспитанников — С. Маршак.

Ощущение, что «все живы, здоровы», еще более усиливается, когда входим в детскую. Раскиданные по полу игрушки... Неоконченная поделка на столярном верстаке Максима...

Там же, в левой части прихожей, рабочий кабинет Алексея Максимовича. Его письменный стол с тайником для нелегальной литературы, сделанным знакомым столяром М. И. Лебедевым. На столе — рукописная страница поэмы «Человек» и письмо Федору Шалапину:

«Славный мой друг! Спасибо за хлопоты обо мне...»

На открытых стеллажах, подтверждающая поразительную широту читательских интересов Горького, книги, которыми он здесь пользовался. Библия. Сочинения Княжнина... «Русская история». «Кобзарь». «Промышленность и техника»... Книги по этнографии, экономике, медицине... Все подлинные.

Квартира Горького считалась центром всей общественно-политической и культурной жизни города, главным звеном, связывающим революционный Нижний с Москвой и Петербургом.

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

Путь жизни и творчества писателя открывается в экспозиции ордена «Знак Почета» Музея А. М. Горького.

В восьми залах феешенельного чудесно сохранившегося купеческого особняка Бурмистровой, принадлежавшей к семье волжских миллионеров, размещены его материалы.

...Подлинная метрическая запись о рождении 16 марта 1868 года Алексея Максимовича Пешкова, составленная в Варваринской церкви Нижнего Новгорода... Фотографии города детства и домов, где жил он с дедом и бабушкой, а затем «в людях». Тот самый медный самовар, ставивший который входило в обязанности «мальчика» при обувном магазине. Прочитанные при жизни «в людях» книги... Галерея нижегородских типов, окружавших юного Пешкова и запечатленных в серии изумительных фотографий. Вполне вероятно, что среди них есть и те, кто позднее послужил прототипами Сатина, Барона, Луки и десятков других персонажей.

Казанский период... Десятилетие нижегородской общественной жизни с 1886 по 1896 год, когда в мучительной борьбе противоречивых влияний особенно интенсивно шло у Горького формирование мировоззрения, названо им «эпохой Короленько».

Владимир Галактионович был первым писателем, кто крепко поверил в молодой талант, кто поддерживал Горького профессиональным советом и помог пробиться из газет в большую литературу. Специальный стенд повествует об этом десятилетии.

«Нижегородский листок»... «Больше всего знаний о хозяевах дал мне 96 год. В этом году в Нижнем Новгороде была Всероссийская вы-

ставка и заседал Торгово-промышленный съезд».

Лица реальных людей, ставших позднее в произведениях писателя Гордеевыми, Маякиными, Щуровыми, Железновыми, Артамоновыми, Булычевыми...

А вот под стеклом — интереснейшая коллекция медалей, история которой сопрягается с важнейшими обстоятельствами революционной деятельности писателя.

«Я сидел в Нижегородском жандармском управлении, ожидая допроса. Ко мне подошел молодой адъютант и спросил:

— Вы помните генерала Познанского? Это мой отец. Он умер в Томске. Он очень интересовался вашей судьбой, следил за вашими успехами в литературе... Незадолго до смерти он просил меня передать вам медали, которые нравились вам, — конечно, если вы пожелаете взять их...»

Эти медали принадлежали начальнику нижегородского губернского жандармского управления генералу Познанскому. Однажды он лично допрашивал Алексея Максимовича, по изъятию при обыске стихов угадал человека несомненно талантливого и отнесся к нему с интересом. А заметив внимание Пешкова к находившейся в кабинете коллекции медалей, разъяснил:

— Это медали в память исторических событий и лиц.

А вот расколотый ударом ножа портрет, спасший Горькому жизнь при покушении на него на Нижегородском откосе.

По центру так называемого мраморного зала — панно палехских мастеров, иллюстрирующее «Песню о Буревестнике», и тут же, в глубокой стенной нише, часть кабинета из квартиры на Канатной улице, где была она создана. Крытый малиновым сукном массивный письменный стол, на котором родились известные всему миру, ставшие бессмертными строки.

И совершенно логичным представляется путь от этого шедевра русской революционной поэзии в соседний — голубеновый — зал, знакомящий нас с предысторией романа «Мать».

Сормовский завод... Слободские улицы, по которым шла первомайская демонстрация 1902 года... Заломов... Анна Кирилловна... Павлов...

Десятки изданий романа на разных языках.

«Книга — нужная... очень своевременная книга...»

Зал, экспозиция которого рассказывает о дружбе с тем, кто дал роману эту оценку. Ленин и Горький...

Тот самый, орехового дерева, рояль, на котором исполнял для них Исидор Добровейн «Аппассионату»...

Из горьковских музеев — этот старейший. Ему пятьдесят лет. За эти годы экспозиция в его восьми залах не раз менялась. И сейчас она тоже в работе, в процессе нового становления. Надо рассказать очень о многом. А это непросто.

Вот уже почти полвека город Горький носит имя писателя. Родились и уходили из жизни поколения горьковчан. А Человек и Город слились воедино, как сливаются здесь две великие русские реки — Ока и Волга.

С. ФИХ.

ГОРЬКИЙ.

● «Домик Каширина».

● Экскурсанты в комнате для гостей на последней квартире писателя.

● В одном из залов Музея Горького.

Фото А. Чепелы.